

Мусин
Илья

Июль.
1998. — Дек.
с. 8.

2.12.98

«Я сам себе удивляюсь»

Патриарху отечественной дирижерской школы, народному артисту России Илье Мусину исполняется 95 лет

Телевизионщики, пришедшие в класс профессора Мусина, чтобы снимать юбилейную передачу, были ошеломлены: там уже работали четыре видеокамеры. Коллеги зря опасались конкуренции — камеры принадлежали зарубежным ученикам Мусина, записывающим его занятия «насквозь». Ныне у маэстро 18 учеников — в два с лишним раза больше, чем положено по консерваторской норме. А еще — гастроль и литературная работа. Наконец, на днях в Большом зале Петербургской филармонии должен состояться юбилейный концерт Ильи Мусина.

— Вы знаете, я в детстве хотел стать художником. Просто в 16 лет подчинился желанию отца и приехал в 1919 году из Костромы в Петроград. Потом стало садиться зрение. Кстати, и последние книги появились, как ни парадоксально, благодаря проблемам с глазами. Я приучал себя формулировать мысли и их запоминать, а потом перепечатывал их на машинке — по памяти, даже не имея возможности перечитать. Учился писать вслепую — так родилась книга «Уроки жизни».

— Это же монография в 400 страниц...

— Да. Так получилось, что у меня тогда был свободный месяц, и я писал по 10—15 страниц в день. И был страшно польщен, когда редактор сказал, что правка практически не нужна.

— А в консерваторию вы поступали нехотя?

— Почему, мне всегда нравилась музыка, и я с удовольствием занимался ею еще в детстве. У меня была прекрасная память, что впоследствии очень пригодилось, я множество фортепьянных пьес знал наизусть. Естественно, тогда у меня не было и мысли о дирижировании. Вся моя судьба — цепь случайностей.

— И педагогическая деятельность тоже?

— Конечно. Дело в том, что многие десятилетия я был лишен возможности заниматься концертной деятельностью, хотя с молодости мне прочили яркую карьеру именно в этой сфере. Смешно сказать, моя первая зарубежная гастроль состоялась только шесть лет назад — я дирижировал в Финляндии. Хотя по возрасту должен был бы тихо сидеть где-нибудь на скамеечке и играть в домино. Так вот, я — счастливое исключение в музыкальной педаго-

гике. Я с огромным удовольствием занялся этой работой, и никогда не жалел о том, что жизнь сложилась именно так.

— В последние годы количество ярких музыкантов, покидающих нашу страну, кажется, превышает число оставшихся. Вас это не пугает?

— Русское искусство, русская музыкальная школа распространяются за рубежом. С одной стороны, это неплохо. Но утечка талантов не может не отразиться на содержании нашей культуры. Это, как говорится, общее место в рассуждениях на такую тему. Замечу лишь, что на Западе нередко считают выдающимися те, кто здесь по объективным причинам на первые роли претендовать не мог. Сейчас хороших дирижеров за пределами нашей страны крайне мало — и радость западных стран, принимающих наших музыкантов, вполне закономерна. Наши звезды там и вовсе вне конкуренции. Потому что иногда, предпочитая почивать на лаврах, начинают хуже играть.

— Ваш сын живет в Москве. У вас никогда не возникало желания переехать в столицу?

— Это невозможно, поскольку за всю прожитую в Петербурге сознательную жизнь, я так и не привык к красоте этого города. Удивительное ощущение — в тысячный раз идти по набережной Невы, по Марсову полю, вдоль Мойки и получать эстетическое удовольствие. Потому и не переезжаю к сыну, хотя одинокая жизнь с годами становится все труднее. Предвосхищая вопрос, не думал ли я перебраться куда-либо подальше — за рубеж, отвечаю: нет. Хотя здесь было всегда несладко. Но это мой дом.

— Вы признаетесь в любви к Петербургу. В связи с этим вопросом: питерская публика тради-

ционно считалась самой требовательной и подготовленной. На ваш взгляд, теперь эти ее качества сохранились?

— Во многом — да. Хотя времена, конечно, изменились. Помню, Маяковский во время выступления в Большом зале филармонии так увлекся, что на сцене сныл пиджак. Так публика ему долго такого своевольства не прощала. И это вовсе не снобизм — просто уважение к месту действия... Все это внешние проявления, но они говорят о культурном уровне. На общем фоне питерская публика по-прежнему выглядит вполне достойно. И залы бывают полны не только на «модных» концертах, но и когда исполняют сложную музыку.

— Вы упомянули о своей книге «Уроки жизни». А каков главный жизненный урок?

— Не думать о том, что в любой момент может произойти неоправдываемое, и просто жить. Иногда — это было в сталинские времена — мне приходилось по заказу вождей дирижировать прямо без репетиций. Бывали случаи — и без партитуры. Помню, когда убили Кирова, я не сходил с дирижерского пульта 14 часов. Я дирижировал во время гражданской панихиды по Сергею Мироновичу в Таврическом дворце. Оркестры менялись, а я даже не имел дублера. Я сам себе теперь удивляюсь — но ведь промахов не было. Иначе вряд ли сейчас праздновал бы день рождения...

Юлия КАНТОР

КИНО ПО ТЕЛЕВИЗОРУ С ДЕНИСОМ ГОРЕЛОВЫМ